

Къ біографическому очерку Г. Е. Благосвѣтлова ¹⁾.

Большія свѣдѣнія Введенскаго, почерпнутыя имъ изъ французскихъ энциклопедистовъ, принесли ему пользу на урокахъ учителей, особенно Никодима, перваго ректора Саратовской духовной семинаріи, очень умнаго и образованнаго монаха, который съ большою любовію занимался дѣломъ преподаванія. Хотя каждый урокъ въ семинаріи продолжался два часа, но для Никодима и такое время казалось недостаточнымъ, и онъ упросилъ учителя математики, предмета, нелюбимаго въ семинаріяхъ, уступить ему изъ своего урока часъ для занятій; такимъ образомъ урокъ Никодима продолжался три часа. Классныя занятія Никодима были необыкновенно живы и оригинальны, хотя все въ то время преподавалось на латинскомъ языкѣ ²⁾: послѣ прочтенія своей лекціи Никодимъ устраивалъ диспуты; одни ученики возражали, другіе опровергали; одни ученики доказывали извѣстную мысль, другіе опровергали ее; или ученики должны были говорить въ классѣ экспромптомъ на какую-либо тему. Никодимъ требовалъ отъ учениковъ, чтобы они, нисколько не стѣсняясь, дѣлали всевозможныя возраженія. Необыкновенно живой, пылкій, нервный, Введенскій всегда вскакивалъ первымъ, чтобы возразить или опровергнуть какую-нибудь мысль, и его возраженія были въ духѣ французскихъ энциклопедистовъ, такъ-что онъ слылъ между учениками за вольнодумца. Этимъ вольнодумствомъ объясняли и то, что

¹⁾ См. „Русск. Старину“ февраль 1913 г.

²⁾ Преподаваніе на латинскомъ языкѣ въ семинаріяхъ вскорѣ было отмѣнено.

Введенскій не могъ долго давать частныхъ уроковъ. Разъ И. И. Введенскій пришелъ послѣ урока, даннаго въ первый разъ дѣтямъ помѣщика, которымъ онъ взялся преподавать французскій языкъ и Законъ Божій, и сталъ рассказывать товарищамъ, какъ дѣти были заинтересованы его урокомъ по закону Божию. „Послушай, Иринархъ“, сказалъ ему товарищъ его Тимоѳей Предтеченскій: „мы знаемъ, что ты умѣешь интересовывать, но надолго ли опять этотъ урокъ?“—А что?—„О чемъ былъ урокъ?“—О Давидѣ.—„Ну, братъ, Давидъ и сгубилъ тебя: ты непременно говорилъ съ дѣтьми о его слабостяхъ?“—Разумѣется, говорилъ. Странно было бы съ моей стороны умолчать о нихъ.—„Смотри, Иринархъ, вольнодумство погубить тебя, а отъ урока тебѣ непременно откажутъ“. Возвратившись послѣ второго урока и показывая десятирублевую бумажку, Введенскій сказалъ, что ему отказали отъ урока. Нерѣдко Введенскій, по неимѣнію свободнаго времени, писалъ свои сочиненія не на тему, прямо списавъ изъ французской книжки. Тогда учитель Иловайскій говорилъ ему: „Иринархъ написалъ, не туда попалъ“.

Какъ способнѣйшій изъ учениковъ, лингвистъ и знакомый съ литературою французскихъ энциклопедистовъ, Введенскій составлялъ гордость новаго въ то время для Саратова учебнаго заведенія¹⁾, которымъ интересовалась саратовская интеллигенція, такъ-что даже по окончаніи курса Введенскаго долго въ Саратовской семинаріи слышались рассказы о его начитанности во французской литературѣ, его удачныхъ отвѣтахъ, возраженіяхъ и т. п., вмѣстѣ съ его скандальными похожденіями, которыя онъ совершалъ въ пьяномъ видѣ и за которыя семинарское начальство безуспѣшно наказывало его только домашними средствами, не желая исключеніемъ изъ семинаріи погубить такую выдающуюся личность²⁾; кромѣ того „множество сочиненій Введенскаго“, по словамъ біографа его Благосвѣтлова, „долгое время ходило по рукамъ учениковъ семинаріи въ видѣ толстаго фоліанта“³⁾. Подъ вліяніемъ такого рода

¹⁾ Саратовская семинарія открыта въ 1830 г.

²⁾ За дурное (буйное) поведеніе Введенскій выпущенъ не въ первомъ разрядѣ, а во второмъ; почему принужденъ былъ на свой счетъ ѣхать въ академію, куда отецъ отправилъ его, по совѣту преосвященнаго Іакова, къ которому отецъ Введенскаго ходилъ запросто—честь, дѣлаемая архіереямъ только немногимъ священникамъ (3 или 4). По увѣренію сарат. старожиловъ, только два лица извѣстны своими скандалами въ Сарат. семинаріи: Александръ Благосвѣтловъ и И. И. Введенскій.

³⁾ См. Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Біографія И. И. Введенскаго, страница 11.

разказовъ о такомъ мощномъ образѣ воспитанника, каковъ былъ Введенскій, а равно разказовъ и учителей, воспитывались и слѣдующіе ученики, стараясь подражать Введенскому, усвоивая его воззрѣнія и методы мышленія. Всѣ свои ученическіе годы въ семинаріи Г. Е. Благосвѣтловъ проводилъ въ средѣ, которая жила подѣ впечатлѣніемъ разказовъ о Введенскомъ. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что Г. Е. Благосвѣтловъ касается въ біографіи Введенскаго многихъ подробностей его жизни, опустивши, вѣроятно, изъ уваженія къ нему черныя стороны ученической его жизни (его пьянство, крупныя скандалы). Впослѣдствіи Г. Е. Благосвѣтловъ, какъ извѣстно, сблизился съ И. И. Введенскимъ. Интересную сцену между братьями видѣлъ саратовецъ, который разказалъ мнѣ. Серапіонъ, младшій братъ Г. Е., по его совѣту и настоянію, поступившій изъ семинаріи въ Медикохирургическую академію и умершій гдѣ-то старшимъ военнымъ врачомъ, не сходился съ Г. Е. въ убѣжденіяхъ, и они-то были причиною частыхъ ссоръ. Когда оба Благосвѣтловы были въ Петербургѣ: Г. Е. учителемъ, а Серапіонъ оканчивалъ курсъ въ Медикохирургической академіи, то Серапіонъ жаловался мнѣ на Г. Е.

„Сошелся Григорій съ И. И. Введенскимъ“, говорилъ мнѣ Серапіонъ: „онъ внушаетъ ему разныя вредныя идеи, которыя онъ нахваталъ за границею. Какъ бы онъ не испортилъ его!“¹⁾

Разъ Серапіонъ послѣ довольно продолжительнаго спора хотѣлъ даже донести на Г. Е. жандармскому офицеру, и Г. Е. при мнѣ сжегъ очень много бумагъ.

Имѣя предъ собою умственный обликъ Введенскаго, Благосвѣтловъ естественно самъ старался быть не хуже Введенскаго. Но какъ сравнительно была благопріятна та среда для умственнаго развитія Введенскаго, среди которой онъ росъ: онъ еще въ дѣтствѣ могъ читать книги и развиваться и учиться въ семинаріи, будучи подѣ покровительствомъ преосвященнаго Іакова и саратовской аристократіи, особенно губернатора Переверзева и вице-губернаторовъ Муромцева и Одессіона,—такъ неблагопріятны были условія, среди которыхъ росъ Благосвѣтловъ: онъ началъ читать книги только въ семинаріи и не имѣлъ у себя такихъ высокихъ покровителей, какіе были у Введенскаго.

¹⁾ Объ убѣжденіяхъ И. И. Введенскаго можно прочесть въ „Русской Старинѣ“, 1879 г., XXV т., стр. 739—744, „Русскій Архивъ“, 9 книжка, 1888 г., „Историч. Вѣстникъ“, 1888 г., 8 и 9 книжки.

Молва о Г. Е., какъ объ ученикѣ съ прекрасными способностями и большимъ умомъ, разнеслась по городу. Многіе искали случая познакомиться съ нимъ; отъ этого кругъ его знакомыхъ увеличился. Семинарскіе учителя, гордо и важно державшіе себя предъ учениками, считали униженіемъ принимать у себя своихъ питомцевъ; но Г. Е. составлялъ исключеніе: они приглашали его къ себѣ, поили его чаемъ, бесѣдовали съ нимъ и звали его на свои вечера, гдѣ онъ переводилъ барышнямъ французскіе билетки изъ конфетъ на русскій языкъ. Онъ познакомился съ священниками, купцами и дворянами и вездѣ приводилъ въ восторгъ своими разговорами. Ему стали предлагать заниматься съ дѣтьми, и онъ имѣлъ уже два урока. Въ то время въ Саратовѣ домашнихъ учителей было мало. Изъ гимназистовъ, которые были большею частію дѣти помѣщиковъ, рѣдко кто давалъ уроки, такъ какъ ихъ родители имѣли средства, большинство же семинаристовъ были или очень бѣдны, или съ очень ограниченными средствами; поэтому они поневолѣ искали себѣ уроковъ. Даровитые и знающіе могли всегда имѣть ихъ и даже существовать ими. Но жить въ семинаріи и давать уроки въ частныхъ домахъ было не совсѣмъ удобно: малѣйшее нарушеніе дисциплины (неприходъ къ обѣду, опаздываніе къ вечернимъ занятіямъ) доставляло много непріятностей его виновнику и даже каралось; кромѣ того каждый семинаристъ старался по мѣрѣ возможности освободиться отъ бдительнаго надзора инспектора Тихона, который зорко слѣдилъ за поведеніемъ учениковъ и за исполненіемъ ими семинарской дисциплины. Григорій Евлампіевичъ очень часто возмущался отношеніемъ начальства къ корпусникамъ (т. е. ученикамъ, живущимъ въ самомъ зданіи семинаріи), и вообще онъ былъ очень недоволенъ всѣмъ складомъ семинарской жизни, и самый выходъ его изъ семинаріи на квартиру на свое содержаніе, несмотря на его стѣсненные денежныя обстоятельства, обусловливался именно этимъ.

Но прежде, чѣмъ рассказать о причинѣ его выхода изъ „корпуса“ на квартиру, мы коснемся нѣсколько жизни Г. Е. въ семинаріи, для чего приведемъ рассказъ товарища его, почтеннаго и уважаемаго священника Петра Никифоровича Павильонова.

Насъ въ комнатѣ жило шесть человекъ, въ томъ числѣ и Богосвѣтловъ; въ столовой мы также садились за столъ всѣ вмѣстѣ. На шесть человекъ подавалось по мискѣ два блюда: щи и каша. Въ февралѣ 1842 г. стали подавать намъ за обѣдомъ очень маленькія порціи; а на завтракъ перестали давать по полфунту ржаного хлѣба, котораго, бывало, всегда предлагали, и желающихъ завтракать имъ набиралось всегда много. Въ маѣ или іюнѣ мѣ-

сяцѣ новый сюрпризъ для насъ: стали кормить щами изъ тухлой солонины. Щи съ хлѣбомъ, хотя съ отвращеніемъ, но можно было ѣсть намъ, голоднымъ, но до мяса, котораго полагалось въ миску на каждого по кусочку въ четверть фунта, никто не дотрогивался.

Такъ какъ вонючихъ щей нельзя было много ѣсть, а говядины и совсѣмъ нельзя, то оставалась надежда на кашу; но и ея подавалось на шесть человѣкъ полмиски, изъ которой каждому доставалось ложки 4—5. Мы всѣ выходили изъ-за стола голодными. У кого были деньги, тотъ покупалъ съ базара съѣстного, но очень многіе изъ насъ были такъ бѣдны, что совершенно не имѣли денегъ. И вотъ голодъ заставилъ пріискать средство поѣсть побольше. Одинъ бурсакъ¹⁾, у котораго въ карманѣ не было даже мѣднаго гроша для пополненія бурсацкаго обѣда, запасался кускомъ сальной свѣчи или саломъ, собраннымъ съ мѣднаго подсвѣчника, на которомъ была зелень (отложеніе мышьяка=arsenicі).

Лишь только миска съ горячею кашею ставилась на столъ, бурсакъ бросалъ сало въ кашу и моментально ее размѣшивалъ. Такимъ способомъ онъ отбивалъ у другихъ желаніе ѣсть эту кашу и поѣдалъ ее одинъ.

Положимъ, нашелся только одинъ такой ученикъ, но и этого достаточно, чтобы судить о силѣ голода и о желаніи набить желудокъ чѣмъ бы то ни было. Мы всѣ очень хорошо понимали, что поставщикъ сбываетъ въ семинарію негодное для продажи мясо и что у членовъ правленія рыльца были въ пушку; но открыто протестовать было нельзя—опасно. Разъ вздумали пожаловаться на то, что кормятъ гнилымъ ржанымъ хлѣбомъ, въ которомъ былъ песокъ, и выбрали депутацію изъ трехъ человѣкъ: И. Хованскаго, А. Я. Леопольдова и П. Н. Павильонова.

Рѣшено было идти не къ ректору семинаріи, какъ главному начальнику ея, а къ инспектору. Спиридонъ, третій²⁾ ректоръ Саратовской духовной семинаріи, недалекій человѣкъ, вполнѣ слѣдовалъ совѣту преосвященнаго Іакова, который, недовольный его предшественникомъ Никодимомъ, первымъ ректоромъ семинаріи, образованнымъ человѣкомъ, за его почти свѣтскій образъ жизни, указалъ Спиридону только три дороги: въ классъ, монастырь, гдѣ

¹⁾ По мнѣнію протоіерея Ивана Викентьевича Любомудрова—Иванъ Федоровичъ Свинцовъ.

²⁾ Вторымъ ректоромъ семинаріи былъ назначенъ Святѣйшимъ Синодомъ инспекторъ Саратовской семинаріи іеромонахъ Анастасій, красавецъ собою, и представительный.

онъ былъ настоятелемъ, и къ нему (т. е. архіерею), но Спиридонъ не вмѣшивался и въ дѣла семинаріи, предоставивъ фактическую власть надъ нею инспектору Тихону, формалисту и очень требовательному монаху. Первымъ заговорилъ о гниломъ хлѣбѣ Хованскій, который получилъ отъ инспектора такую тяжеловѣсную пощечину, что у него распухла щека и болѣла мѣсяцъ; кромѣ того, онъ всѣмъ пригрозилъ тѣмъ, что исключить изъ семинаріи, если повторится подобное. Жаловаться архіерею было тоже бесполезно: читая многія его резолюціи, мы знали, какъ отнесется онъ къ такому факту.

„Надобно совершенно успокаиваться распоряженіемъ начальства. Ибо начальство отъ Бога и его распоряженія суть распоряженія Промысла Божія“¹⁾, писалъ архіерей на прошеніяхъ. Но въ этотъ разъ голодъ вывелъ насъ изъ терпѣнія, и мы всѣ (насъ было болѣе ста человекъ) зароптали на эконома²⁾, преподавателя Иловайскаго, который находился въ столовой и дѣлалъ видъ, какъ будто онъ не замѣчалъ нашего ропота, впрочемъ, очень скромнаго. На другой день явился къ началу обѣда инспекторъ Тихонъ. Всѣ поняли цѣль его прихода въ столовую. Когда были поданы щи, вонь распространилась по всей столовой. Григорій Евлампіевичъ, сидѣвшій съ нами, выкинулъ свою порцію мяса на столъ, а товарищъ его, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, швырнулъ ее на полъ, и она какъ разъ угодила подъ ноги инспектору, который тотчасъ же спросилъ насъ: „Кто бросилъ на полъ порцію?“ Виновникъ указалъ на Благосвѣтлова, который объяснилъ, что онъ только выбросилъ ее изъ миски на столъ. Пока шли разспросы, всѣ ученики побросали свои порціи мяса на полъ, гдѣ ходилъ инспекторъ, который тотчасъ же и удалился изъ столовой. На другой день призваны были Благосвѣтловъ и другой участникъ, бросившій порцію на полъ, въ правленіе семинаріи, гдѣ имъ сдѣланъ былъ строгій выговоръ. Хотѣли было исключить ихъ изъ семинаріи, но опасались только того, какъ бы о вонючей солонинѣ не узналъ архіерей. Нечего и говорить, какъ мы были озлоблены противъ своего начальства и въ какомъ возбужденномъ состояніи находились; на Благосвѣтлова же этотъ случай такъ подѣйствовалъ, что онъ чрезъ нѣсколько дней перешелъ изъ семинаріи на квартиру на свое содержаніе, не желая имѣть столкновенія съ начальствомъ.

¹⁾ Резолюція преосвященнаго Іакова 20 сентября 1837 г.

²⁾ Должность эконома не была отдѣльной: она возлагалась на одного изъ учителей семинаріи.

Располагая теперь болѣе свободнымъ временемъ и освободившись отъ семинарской дисциплины, онъ могъ больше давать частныхъ уроковъ, чрезъ что увеличились его денежные средства, такъ что и одѣваться онъ сталъ очень прилично: сшилъ себѣ суконный сюртукъ на бѣлой фуляровой подкладкѣ и такія же брюки. Это, по мнѣнію семинаристовъ, было уже большимъ франтовствомъ.

Года за два до отъѣзда изъ Саратова въ Петербургъ Г. Е. былъ приглашенъ на урокъ въ домъ одного богатаго помѣщика, семейство котораго жило открыто и богато и пользовалось большимъ уваженіемъ и извѣстностію въ Саратовѣ, и въ домѣ котораго нѣсколько времени жилъ Г. Е. Обстановка помѣщичьяго дома оказала большое вліяніе на манеры и внѣшній видъ Г. Е.; особенно онъ былъ признателенъ къ супругѣ помѣщика за ея чисто-материнское отношеніе къ нему. Изъ неуклюжаго и застѣнчиваго семинариста онъ обратился въ развязнаго и ловкаго молодого человѣка, съ которымъ охотно разговаривали и даже вступали въ споръ гости помѣщика, иногда люди интеллигентные. Живя въ домѣ помѣщика, Г. Е. одѣвался въ модное платье, въ театрѣ сидѣлъ въ креслахъ и ходилъ всегда съ палкою.

Задумавъ поступить въ Медикохирургическую академію, Г. Е. сталъ заниматься еще усидчивѣе: онъ просиживалъ цѣлыя ночи напролетъ за книгою, лишился аппетита и сильно похудѣлъ. Съ сентября 1843 г. онъ уже не посѣщалъ семинаріи. Инспекторъ Тихонъ, зная, что онъ занимается серьезно, снисходительно къ нему относился: его уже считали отпѣтымъ. Видя большую перемѣну въ немъ, товарищи стали совѣтовать ему не оставлять духовнаго званія и идти во священники, доказывая ему, какъ трудно изъ семинаріи поступать въ университетъ; но Г. Е. всегда съ азартомъ говорилъ: „Въ попы идти—никогда! Буду до сѣдыхъ волосъ учиться, а ужъ поступлю въ университетъ!“

Переписка по поводу его увольненія изъ семинаріи и духовнаго вѣдомства длилась очень долго, надѣлала ему много хлопотъ и причинила ему столько непріятностей, что онъ долго не могъ позабыть объ этомъ, и въ письмахъ къ своему товарищу онъ не совѣтовалъ быть такимъ придирчивымъ и безжалостнымъ членомъ консисторіи, какими были они въ его время. Въ ноябрѣ 1843 г. Г. Е. вмѣстѣ съ товарищемъ М. Лебедевымъ, „желая поступить въ Медико-хирургическую академію, по испрошеніи на то согласія родителей“¹⁾, просили семинарское правленіе „сообщить о семъ Высшему начальству“. 26 ноября состоялось слѣдующее опредѣленіе

¹⁾ Согласія родителей Благосвѣтлова, разумѣется, не было.

правления: „Предварительно сему отправить просителей въ Саратовскую врачебную управу для освидѣтельствования ихъ здоровья и просить о послѣдующемъ увѣдомить правленіе семинаріи, съ присовокупленіемъ, способны ли они поступить въ Медицинскую академію“. Врачебная управа отвѣтила, что болѣзней, препятствующихъ къ поступленію въ Медицинско-хирургическую академію, они не имѣютъ; оспа была привита“. Правленіе не находило препятствій къ ихъ увольненію, о чемъ и сообщило архіерею 29 января 1844 г. Въ іюнь 1844 г. семинарское правленіе получило отъ Казанской академіи выговоръ за то, что оно несвоевременно доносило объ ученикахъ Благосвѣтловѣ и Лебедевѣ, а въ іюль этого года Г. Е. былъ исключенъ въ епархіальное вѣдомство за нехождение въ классъ. 9 сентября этого года послѣдовало окончательное увольненіе Г. Е. изъ семинаріи въ распоряженіе епархіальнаго вѣдомства, а изъ него уволенъ, какъ видно изъ отношенія Саратовской духовной консисторіи семинарскому правленію отъ 13 ноября 1846 г., только въ іюль 1845 г. Такъ въ старину тратилось много времени и бумаги на самыя пустыя дѣла!

Получивъ увольненіе изъ семинаріи, Г. Е. на прощаніи сказалъ товарищамъ рѣчь, обнялъ всѣхъ и перецѣловалъ.

„Я видѣлъ Г. Е. въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ изъ Саратова въ Спб. на бульварѣ“, рассказывалъ мнѣ одинъ почтенный священникъ, товарищъ Г. Е. „Онъ говорилъ о томъ, что жалѣеть расстаться съ Саратовомъ и товарищами и что онъ очень радъ былъ бы переписываться со мною и другими товарищами, такъ какъ между нами, уже взрослыми, установились единеніе и дружба, которыя должны быть поддерживаемы письмами.

„Вы забудете—не напишете“, говорилъ Благосвѣтловъ мнѣ, но обращаясь какъ будто бы ко всѣмъ. „Давай, дадимъ что-нибудь другъ-другу на память“. Но ни у него, ни у меня ничего не оказалось. „Э, да, вотъ, что! Палка эта будетъ мѣшать мнѣ дорогой: возьми ее себѣ на память обо мнѣ“, сказалъ онъ и при этомъ вручилъ мнѣ свою палку съ малахитовымъ набалдашникомъ (стоящую около трехъ рублей), съ которою онъ всегда ходилъ. „Что-то ждетъ меня въ дальней сторонѣ!“ закончилъ онъ, и мы расстались.

На другой день онъ уѣхалъ на перекладныхъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на свой счетъ въ Медико-хирургическую академію; я переписывался съ нимъ долго. Всѣ саратовскіе семинаристы, знакомые и незнакомые, поступавшіе въ университетъ, кромѣ радушнаго приѣма, находили въ Г. Е. совѣтника и руководителя въ незнакомомъ для нихъ Петербургѣ; но нѣкоторые ставили его иногда въ неловкое и непріятное положеніе. Такъ, разъ студентъ Покров-

скій ворвался пьяный въ тотъ домъ, гдѣ жилъ Благосвѣтловъ, и тѣмъ произвелъ большой переполохъ среди танцующихъ, а Г. Е. привелъ въ крайнее смущеніе, такъ что онъ не зналъ, какъ выводить незваннаго и неприличнаго гостя.

„Мы всегда вспоминаемъ о Г. Е. съ благодарностію“, рассказывала мнѣ одна почтенная старушка. „Онъ всегда хорошо и ласково принималъ нашего Гришу и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ, когда онъ учился въ Спб., въ университетѣ; только Г. Е. всегда назначалъ ему время, когда прійти. Сначала мы думали, что Г. Е. стыдно показать своимъ знакомымъ Гришу, и онъ не хотѣлъ знакомить его съ хорошими людьми; думали, загордился нашъ Г. Е. Только послѣ догадались, зачѣмъ онъ такъ дѣлалъ. Хоть Г. Е. и хорошій былъ человѣкъ, но онъ, вѣдь, былъ вольнодумецъ (Не тѣмъ будь помянуть!); у него часто сходились такіе же поговорить съ нимъ: ихъ, вѣдь, много тогда было. Г. Е. не желалъ погубить нашего Гришу, оттого и принималъ его, когда никого у него не было; онъ даже предостерегалъ его совѣтами отъ этихъ вольнодумцевъ. Онъ жалѣлъ и насъ: вѣдь, онъ зналъ, что если Гриша попадетса, то мы останемся безъ куска хлѣба. Благородный, хорошій человѣкъ былъ!“.

Хорошая память о Г. Е. долго сохранялась въ Саратовской семинаріи.

Дополнительныя замѣтки.

Помѣщаемъ перечень статей о Г. Е. Благосвѣтловѣ.

1) „Дѣло“. № 11, ноябрь, 1880 г. Г. Е. Благосвѣтловъ (некрологъ) съ перечнемъ главнѣйшихъ его статей, изъ которыхъ нѣкоторыя не вошли въ собраніе его сочиненій.

2) Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова съ портретомъ и факсимиле автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изд. Е. А. Благосвѣтловой. Спб. Типографія Благосвѣтловой. 1882 г.

3) Письмо въ редакцію Е. А. Благосвѣтловой. „Дѣло“. Май, 1882 г.

4) „Отечественныя Записки“, № 2, 1882 г. (рецензія о вышедшихъ сочиненіяхъ Благосвѣтлова).

5) „Русская Мысль“. Т. I, 1883 г. (рецензія).

6) „Вѣстникъ Европы“.

7) „Переходные характеры“, Н. Шелгунова (стр. 106—113). „Русская Мысль“, 1888 г., № 3.

Гордѣй Семеновичъ Саблуковъ много поработалъ, живя въ Саратовѣ, по археологіи обширной тогда Саратовской губерніи, побуждаемый и поощряемый къ этому преосвященнымъ Іаковымъ, желавшимъ, чтобы Саратовская губернія была изслѣдована въ археологическомъ отношеніи. По увѣренію П. А. Пономарева, автора статьи: „На развалинахъ Укека близъ Саратова“ („Древняя и новая Россія“¹⁾, 1879 г.), Г. С. Саблуковъ составилъ еще въ 1846 г. капитальную статью объ Укекѣ, но она не была еще издана и передана въ распоряженіе Казанскаго археологическаго общества.

Кромѣ того, Саблуковъ производилъ изслѣдованіе найденныхъ вещей близъ г. Царева, Астраханской губерніи (тогда Саратовской), въ развалинахъ столицы Золотой орды, гдѣ, по порученію преосвященнаго Іакова, руководилъ раскопками протоіерей г. Царева, Шиловскій; при чемъ, онъ не позабылъ и себя: разбирая Ханскій дворецъ, Шиловскій употребилъ его камни, нѣкоторые въ аршинъ длиною, на постройку себѣ дома, а монеты и другія вещи препровождалъ для разслѣдованія Саблукову въ Саратовъ. Во время лѣтнихъ каникулъ Саблуковъ самъ ѣздилъ въ г. Царевъ для раскопокъ. Въ Саратовской семинаріи до сихъ поръ находится много вещей, найденныхъ на Укекѣ и близъ г. Царева и разслѣдованныхъ Саблуковымъ. Первую его работу по археологіи преосвященный Іаковъ отправилъ, кажется, въ Петербургское археологическое общество отъ своего имени, а остальные были за подписью Саблукова. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Саблукова²⁾, живущаго въ Казани, видѣли много рукописей, относящихся до археологіи. На вопросъ одного знакомаго³⁾: почему онъ до сихъ поръ не издаетъ своихъ изслѣдованій—Гордѣй Семеновичъ отвѣтилъ: „я на своемъ вѣку много порылся: пусть послѣ меня пороются хоть въ моихъ бумагахъ“.

Н и к о д и м ъ.

Не посчастливилось въ учебной дѣятельности этому почтенному ученому мужу, возбудившему удивленіе своею ученостью и оставившему о себѣ надолго добрую и хорошую память въ воспитан-

¹⁾ № 4.

²⁾ Живъ ли теперь Саблуковъ—миѣ не извѣстно; знаю только, что двѣ дочери его вышли замужъ за профессоровъ Казанской академіи (одна за профессора Знаменскаго).

³⁾ Алфіонова, директора Пермской гимназіи, нашего саратовца, который собственноручно написалъ въ „альбомѣ“ М. И. Семева.

никахъ Саратовской семинаріи. Первый ученикъ Петербургской академіи, Никодимъ, былъ назначенъ со степенью бакалавра профессоромъ ея, а потомъ ректоромъ Костромской семинаріи, гдѣ велъ свѣтскій образъ жизни. Бакалавръ Аѳанасій, впоследствии епископъ саратовскій и архіепископъ астраханскій, пріѣхавшій на ревизію въ Костромскую семинарію въ 10 часовъ ночи и не заставшій Никодима въ семинаріи, велѣлъ запереть всѣ двери ея, а ключи взялъ себѣ. Когда въ часъ ночи пріѣхалъ отъ знакомыхъ Никодимъ, то явился къ Аѳанасію, съ которымъ поговорилъ очень крупно. Аѳанасій резюмировалъ свой отзывъ о Костромской семинаріи такъ: „по нравственности дурна, по образованію глупа“. За ревизію Никодимъ опять переведенъ былъ въ Петербургскую академію, а затѣмъ, въ 1830 г., опредѣленъ въ только-что открытую Саратовскую семинарію, какъ хорошій администраторъ и ученый монахъ. По случаю холеры, которая тогда свирѣпствовала въ Саратовѣ, Никодимъ пріѣхалъ только въ октябрѣ, а открывалъ семинарію при архіерее Моисеѣ, кажется, въ августѣ мѣсяцѣ инспекторъ Іоаннъ, образованный монахъ. Съ увлеченіемъ взялся Никодимъ за устройство семинаріи и съ честью выполнилъ это дѣло. Преосвященный Іаковъ, замѣнившій Моисея весною 1832 г., находилъ несовмѣстнымъ съ монашествомъ почти свѣтскій образъ жизни Никодима, который одѣвался шикарно, ѣздилъ по городу въ выписанномъ изъ Петербурга богатомъ экипажѣ, запряженномъ четверней, имѣлъ большой кругъ знакомыхъ, и Іаковъ, по жизни аскетъ, счелъ такую жизнь Никодима униженіемъ священнаго сана и порицалъ его за это, но безуспѣшно. Произведя по предписанію Святѣйшаго Синода ревизію Саратовской семинаріи (онъ пріѣзжалъ на ревизію въ 8 часовъ утра, уѣзжалъ въ 2 часа), Іаковъ далъ плохой отзывъ объ учебномъ дѣлѣ семинаріи, въ особенности же о начальникѣ ея, ректорѣ Никодимѣ, за что онъ былъ переведенъ, несмотря на оправданія (холерные года, не было нѣсколькихъ преподавателей), въ 1833 г. настоятелемъ Иркутскаго, второкласснаго монастыря, обращеннаго, благодаря его дѣятельности, въ первоклассный.

О Переверзевѣ, Федорѣ Лукичѣ.

Разсказываютъ, что Переверзевъ, образованный человекъ, обратилъ вниманіе на Введенскаго во время публичнаго экзамена, и узнавши, что онъ хочетъ поступить въ духовную академію, сожалѣлъ объ этомъ и обѣщалъ ему свое покровительство, если Введенскій поступитъ въ университетъ.

Переверзевъ былъ переведенъ за взятки (пріѣхавши въ Саратовъ ни съ чѣмъ, онъ предъ отъѣздомъ изъ Саратова намѣревался купить въ Саратовской губерніи имѣніе за триста тысячъ рублей) въ Кіевъ, а оттуда въ Петербургъ.

Замѣтка эта о жизни Г. Е., знакомящая нѣсколько и съ духовными учебными заведеніями г. Саратова, составлена по рассказамъ товарищей и лицъ, знавшихъ Г. Е. Благосвѣтлова, и по архивнымъ документамъ, и только одинъ товарищъ Г. Е., священникъ Петръ Никифоровичъ Павильоновъ¹⁾, лицо—очень почтенное и уважаемое, по моей просьбѣ, написалъ для меня свои воспоминанія о Г. Е., о чемъ и сказано мною.

Рукопись эта прочтена товарищами Г. Е.: протоіереемъ Любоудровымъ и священникомъ Петромъ Никифоровичемъ Павильоновымъ, которые высказали мнѣ, что я вѣрно изобразилъ жизнь Г. Е.

Флегонтъ Духовниковъ.

25 февраля, 1889, Саратовъ.

Считаю нужнымъ сообщить выписку изъ метрическихъ книгъ Владимірской церкви, слободы Владиміровки, присланную мнѣ учителемъ Владимірскаго двухкласснаго училища г. Льновымъ.

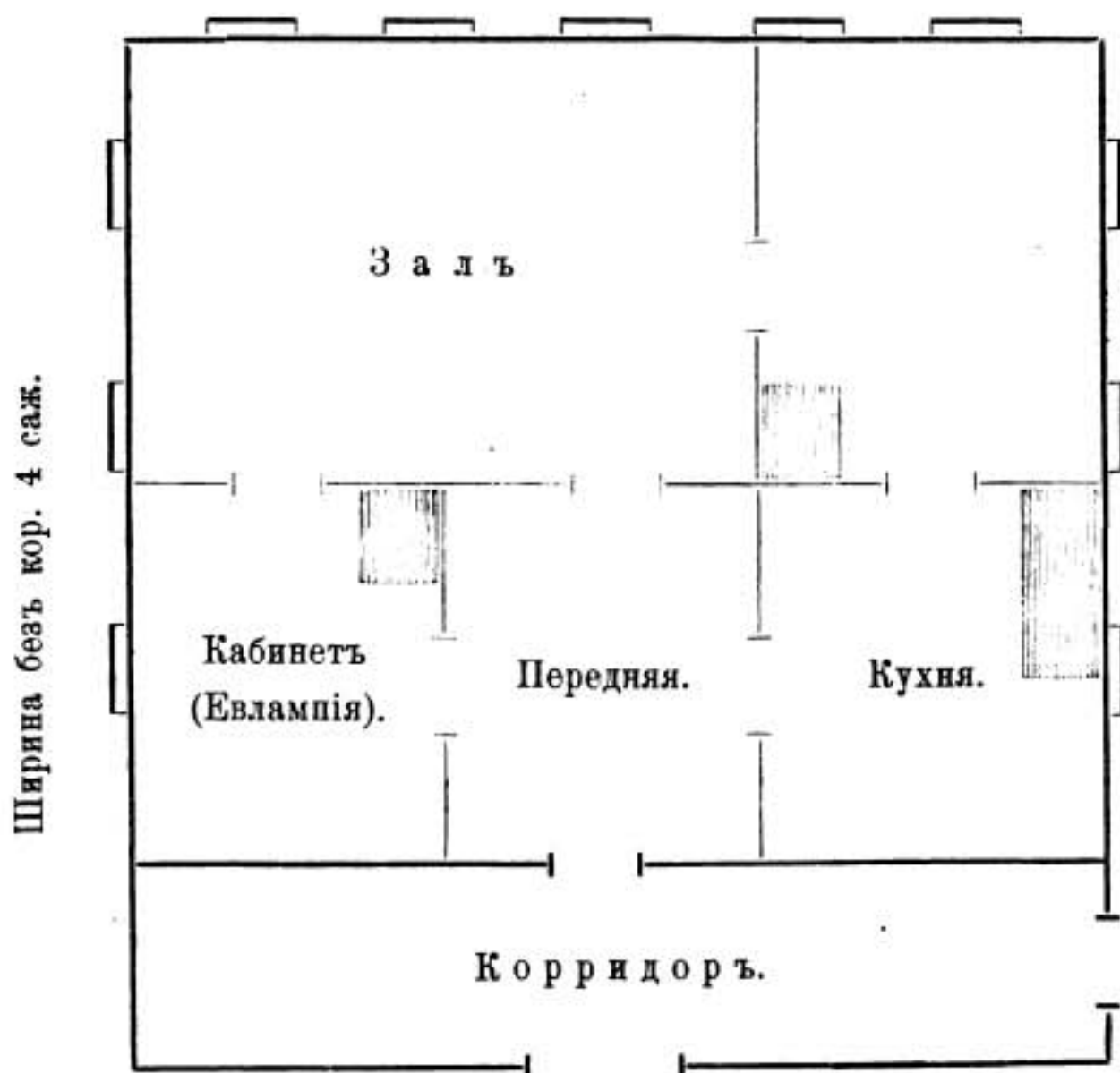
Въ исповѣдныхъ за 1827 г. записаны: священникъ Евлампій Благосвѣтловъ 32 лѣтъ; жена его Варвара Андреева 28 лѣтъ; дѣти ихъ: Александръ 7 лѣтъ, Григорій 2 лѣтъ и Серапіонъ 1 года. Теща его, вдова Меланья Аванасьева. Дочь Раиса рождена 20 іюля 1828 г. Въ исповѣдныхъ за 1833 г. значится еще отставной пономарь Иванъ Гавриловъ, отецъ Евлампія.

Въ метрикѣ объ умершихъ за 1835 г.: февраля 21 умерла жена священника Евлампія Благосвѣтлова, Варвара 37 лѣтъ отъ родовъ. Въ исповѣдныхъ за 1836 г. Евлампій помѣченъ вдовымъ; въ этомъ году значится, что у него живетъ сестра его дьячиха, вдова Ульяна Иванова 35 лѣтъ и двѣ ея дочери: Анна 13 лѣтъ и Евдокія двухъ мѣсяцевъ. Въ метрикахъ объ умершихъ за 1838 г. записано: ноября 29 священникъ Евлампій Благосвѣтловъ умеръ отъ водянки 44 лѣтъ. Въ метрикѣ объ умершихъ за 1839 г. записано: запасный пономарь Иванъ Гавриловъ Благосвѣтловъ скончался 21 октября, 91 года отъ роду.

¹⁾ Я съ нимъ служилъ вмѣстѣ; онъ былъ законоучителемъ, а я учителемъ.

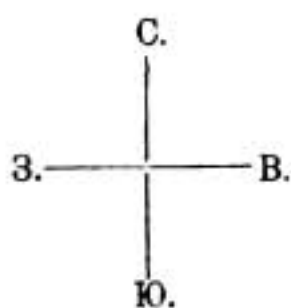
Планъ дома Благосвѣтлова въ селѣ Владимировкѣ, Царевского уѣзда, Астраханской губ., составленъ учителемъ Лѣновымъ.

Длина 5 сажень.

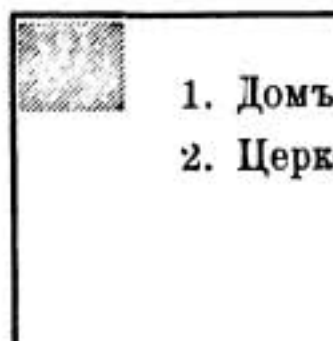

+ 2

П л о щ а д ь.

в и д ъ

1. Домъ Евлампія.
2. Церковь.

Добавленіе объ отцѣ Г. Е.

(Замѣтки Духовникова для М. И. Семевскаго).

Съ мужиками онъ жилъ хорошо, дружно; пилъ съ ними водку, давалъ имъ денегъ займы безъ всякихъ расписокъ; игралъ съ ними въ клѣкъ (городки); при чемъ, иногда ѣздилъ на мужикахъ верхомъ, а иногда и они на немъ.

Прилагая при этомъ 5 № „Саратовскаго Дневника“ 1889 г., въ которомъ помѣщена замѣтка: „Дореформенный учитель“, считаю нужнымъ сказать, что сообщеніе „Дневника“ о томъ, что И. Н. Виноградовъ позабылъ своими дѣтьми, не вѣрно: ихъ двое: одинъ сынъ, уволенный отъ должности, живетъ при немъ, другой—податный инспекторъ въ г. Сердобскѣ, и помогаетъ ему.

Инспекторъ, Гавріиль Архангельскій, о которомъ вы прочтете въ моей замѣткѣ, преинтересный субъектъ, достойный, по моему мнѣнію, попасть на страницы „Русской Старины“ въ видѣ отдѣльной замѣтки. О немъ я много прочелъ въ дѣлахъ архива, многое рассказалъ и И. Н. Виноградовъ, и если вы желаете, чтобы я прислалъ вамъ о немъ, то я пришлю: смотритель Саратовскаго училища дозволить мнѣ порыться въ архивѣ.

Интересныя резолюціи архіерея Іакова по сообщеніямъ семинарскаго правленія начальству Саратовскаго духовнаго училища.

1. Ученики Саратовскаго духовнаго училища Василій и Иванъ Крыловы просили его преосвященство объ опредѣленіи отца ихъ, находящагося въ монастырѣ, дьякона В. Крылова въ черныхъ трудахъ куда-либо въ приходъ для пособія имъ къ содержанію въ училищѣ и къ предотвращенію ихъ отъ худой нравственности.

Резолюція: противъ худой нравственности есть врачество—розги.

17 октября, 1837 г.

2. Саратовская духовная консисторія сообщеніемъ 18 іюня 1837 г. проситъ Саратовское семинарское правленіе объявить ученику Саратовскаго училища нижняго отдѣленія Егору Феликсу, что резолюціею его преосвященства, послѣдовавшею на прошеніи его о увольненіи въ домъ родителей его по случаю нахождения

отца, матери и двухъ сестеръ въ болѣзненномъ положеніи, вѣрно: „Феликсовъ не лѣкарь, помочи отъ него больнымъ нельзя ожидать“.

Подписано: Инспекторъ Іеромонахъ Хрисанфъ. Секретарь Синайскій. № 979. Іюля 17 дня. 1837 г.

3. Учитель Саратовскаго духовнаго училища Целебровскій проситъ архіерея опредѣлить его инспекторомъ вмѣсто уже назначеннаго инспектора Гавріила Архангельскаго.

Резолюція: „Стыдно. Духъ искательства унижаетъ ученаго чловека. Надобно совершенно успокоиваться распоряженіемъ начальства. Ибо начальство отъ Бога и его распоряженія суть распоряженія промысла Божія. 20 сентября 1837 г.“.

4. На прошеніи о томъ, что инспекторъ Саратовскаго духовнаго училища Гавріиль Архангельскій взялъ съ 13 учениковъ взятки за переводъ ихъ въ семинарію, резолюція архіерея такова:

„Мерзкое корыстолюбіе! Наставникамъ духовныхъ училищъ дано весьма большое жалованье по ихъ посту, съ тѣмъ, чтобы не марали священнаго званія наставниковъ взятками. Объявить учащимъ, чтобы они не брали никакихъ приношеній или подарковъ отъ учениковъ. Впредь съ взяточниками буду поступать какъ съ мздоимцами на законномъ основаніи“.

13 іюня 1839 г.

5. Донесеніе училищнаго начальства о непосѣщеніи врачомъ больницы около трехъ недѣль.

Резолюція 22 мая 1840 г.: „Предписать начальнику духовныхъ училищъ, чтобы въ классныхъ и жилыхъ комнатахъ соблюдаема была чистота и не ходили бы ученики босикомъ. Сямъ очень берегается здоровье воспитанниковъ и предотвращается больница. При отеческомъ попеченіи начальника училища о здоровьѣ учениковъ не многимъ ученикамъ будетъ нужна больница“.

Ф. Духовниковъ.

А. Лебедевъ.

